

Секция XIV

ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

XIV.1. ЭТНОГЕОГРАФИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

*Руководитель Калуцков В.Н.**Березкин М.Ю.
Москва**Гомбоев Б.Ц.
Москва***ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ МИРА**

В настоящее время в мире достаточно четко выделяются семь-восемь культурно-географических макрорегионов: Западная Европа, США, Канада, Япония, ЮАР, Австралия и Новая Зеландия (так называемые «развитые страны»), Северная Африка и Юго-Западная Азия («арабский мир»), Латинская Америка, Восточная Европа, Россия и СНГ, Восточная Азия, Южная Азия, Тропическая («черная») Африка. Эти макрорегионы сложились не только благодаря экономическим и историческим причинам, но во многом стали следствием ландшафтно-географической дифференциации.

Подтверждением этого является ландшафтно-этологический метод, разработанный Н.Л. Берушавили. По этому методу выделение ландшафтов производится не по характеру, а по продолжительности суточного состояния ландшафта. Не общее состояние ландшафтов оказывает влияние на хозяйственно-культурные различия регионов мира, а его динамика на протяжении сезона. В основных чертах, выделенные ландшафты совпадают с культурно-географическими макрорегионами мира.

К этим же выводам можно придти и при пересчете биоклиматических показателей, если их рассчитывать не по годовым значениям, а по совокупности месячных данных, т.е. учитывая динамическую изменчивость суммы активных температур и увлажнения.

Результаты, полученные с помощью указанных методов, находят подтверждение и в области экономико-географических исследований. Иллюстрацией этого может служить интегральная оценка ресурсоемкости стран мира с помощью нормированных показателей (по В.С. Тикунову и А.С. Фетисову). При итоговом ранжировании выделенные авторами шесть групп стран примерно (а иногда и точно) совпадают все с теми же семью-восемью культурно-географическими макрорегионами.

РОЛЬ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНЫХ/ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ

Активизировавшийся в последние годы интерес российских и зарубежных исследователей к изучению культовых и священных мест можно объяснить общемировой тенденцией восприятия их как мировоззренческой основы культурных ландшафтов. Являясь частью сакрального пространства последних, культовые и священные места определяют также во многом этническую или этнокультурную специфику как весьма крупных территорий, так и локальных местностей.

Давно отмечен тот факт, что сакральные места в сравнении с любыми другими участками территорий сохраняют окружающие их природное пространство наиболее эффективно, поскольку относящиеся к ним религиозные запреты и табу исторически формировали экологическое сознание и регламентировали природоохранную деятельность местного населения. Этнографическими исследованиями фиксируется характерный для них минимум хозяйственно-культурной деятельности у различных народов и этнических групп.

Наличие культовых и священных мест в конкретных культурных/этнокультурных ландшафтах наполняет окружающее пространство сакральной информацией, сохраняя тем самым условия для воспроизводства культурной/этнокультурной информации. Именно благодаря этой своей особенности культовые и священные места, являясь основными ориентирами сакрального пространства вообще, имеют огромное значение в формировании культурных/этнокультурных ландшафтов.

Наши полевые материалы по Байкальскому региону свидетельствуют о важности той роли, которую культовые и священные места занимают в экологических представлениях традиционных сообществ, их религиозной обрядности и в целом в формировании и сохранении культурных/этнокультурных ландшафтов. Природная составляющая последних находится в прямо пропорциональной зависимости от состояния культовых и священных мест, требующих в связи с этим особого внимания и охраны.

Громов Д.В.
Москва

**РУСАЛОЧЬИ ОЗЕРА КАК ЧАСТЬ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В исследовании, построенном на материалах полевых исследований 1998–2004 гг., рассматриваются основные сюжеты о русалках, бытующие в данной местности, стереотипы восприятия и поведения, связанные с ними.

Территория Курганской области в обилии покрыта небольшими озерами – они находятся возле почти каждого населенного пункта. Озеро – неотъемлемая и привычная часть местного ландшафта и природная основа формирования специфической региональной мифологии. В данном регионе широко распространены легенды об озерных жителях – русалках.

По распространенному мнению, встречающиеся не только в Курганской области, способность видеть русалок так же, как и другую «нечистую силу», свидетельствует о достаточно высокой духовности наблюдателя. Говорят: «Раньше в Бога верили, может потому нам и блазилося, а сейчас сами в жизни живем чертовской – может потому ничего и не видим». В этой оценке просматривается отношение к «нечеловеческому» локусу (подводному миру озера) как части культурного пространства, дуалистически противоположной окультуренному «миру живых».

Иванова А.А.
Москва

**ТОПОНИМИЧЕСКИЙ КОНТИНУУМ
ПИНЕЖСКОЙ ДЕРЕВНИ**

Топонимическая система анализируется как фрагмент культурного ландшафта (конкретно – диалекта) и как язык описания других его компонентов (природной среды, этнических сообществ разного таксономического уровня, хозяйства и т.п.). В этом смысле ее можно рассматривать как один из экономных и важнейших способов сохранения и межпоколенной ретрансляции значимой этнокультурной информации. Эта функция усиливается способностью топонимов разворачиваться в фольклорные нарративные тексты разной жанровой природы, что дает право рассматривать топонимы как своеобразный тезаурус сюжетов местных легенд, преданий, быличек, бывальщин.

Топонимическая система деревни сложным образом организована: включает макро- и микро-топонимы, которые пространственно упорядочены по отношению друг к другу. Как следствие, собственный план значений каждый топоним по настоящему обретает только с учетом системного контекста.

Картографический анализ топонимической системы отдельного селения вскрывает ее континуальный характер (способность представлять целостную картину мира селенческого социума). Этим фактором определяется устойчивость набора топонимов, входящих в топонимические системы пинежских деревень и принципы их внутренней структурной упорядоченности: зональный характер, оппозиция топофильного центра и топофобной периферии жизненного пространства через группу владетельных и сакральных топонимов, «насыщенность» топонимами пространства самой деревни и прилегающих к ней освоенных земель и топонимическая «разреженность» отдаленной лесной периферии. Поскольку топонимические системы – динамически развивающиеся структуры, претерпевающие количественные и качественные подвижки, диахронные их сопоставления позволяют судить об исторической эволюции конкретных культурных ландшафтов.

Иванова Ю.В.
Москва

**ГОРОДА АЛБАНИИ: УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ**

Возникновение и историческое развитие городской жизни относятся к культурообразующим факторам как экологического (природной среды), так и социологического характера. Городская жизнь на западе Балканского полуострова известна со II тыс. до н.э. На территории современной Албании соседствовали и взаимодействовали города иллирийцев и греков.

Места возникновения городов: 1) крепости на горных возвышенностях с функциями охраны путей, военных и административных центров с жилой или же только административной застройкой; жилые кварталы спускались по склону, захватив торговый путь в качестве главной улицы; 2) поселение у подножья возвышенности под охраной крепости; 3) на перекрестке торговых путей; 4) в гаванях с верной жилой застройкой. Функции города в позднее средневековье и новое время: торгово-ремесленный и военно-административный центр для округа; в системе османского государства – центр административный, религиозной и политической жизни, образования и профессиональной культуры. Внутренняя планировка: жилые кварталы были населены людьми одной конфессии, облик улиц и жилых домов отражал образ жизни; единый для всех центр – сосредоточие ремесла, торговли, общественной жизни. Состав городского населения с османских времен был полиэтничен, а культура синкретична (местные плюс «восточные» черты).

Современные города в известной мере сохраняют деление кварталов по конфессиям, застройка крепости и центральных улиц меняется в соответствии с современным образом жизни. Тем-

пы современной, ориентированной на западные образцы перестройки зависят от экономического значения каждого города в жизни страны.

Калуцков В.Н.
Москва

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ЛАНДШАФТОВЕДЕНИЕ:
ПРЕДМЕТ И ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ**

Этнокультурное ландшафтоведение – новое направление ландшафтной географии, формирующееся на стыке естественных и гуманитарных наук. В постановке вопроса о предмете и объекте науки оно продолжает традиции русской антропогеографии, которая сформировала представление о ландшафте как сложном природно-культурном комплексе, базовыми составляющими которого, или *метакомпонентами* ландшафта, являются природа и культура. Культурный ландшафт наряду с природой и культурой включает такой метакомпонент, как язык.

Предметом этнокультурного ландшафтоведения является *этнокультурное освоение ландшафтов Земли*. Первая сторона этого процесса связана с приспособлением сообществ к окружающей природе, вторая заключается в преобразовании природы, в осмыслении и закреплении коллективного опыта в определенных культурных формах и языке: важнейшим результатом становится создание «своего» культурного ландшафта. Третья сторона – сохранение культурного ландшафта, его традиционных форм как существенных пространственных проявлений культуры, основы национальной идентичности.

При детализации предмет науки включает три круга вопросов: отражение природных ландшафтов Земли в культуре, значение культурных ландшафтов Земли и ландшафтные диалекты Земли.

В соответствии со структурой предмета формируются четыре основных научных направления: три «линейных» (природно-ландшафтное, антрополандшафтное, ландшафтно-языковое) и одно ядерное, позволяющее «удерживать» целостность всей науки (этнокультурное ландшафтоведение в узком смысле). Последнее направление включает такие тематические направления, как теория, методология и история культурного ландшафта.

Этноприродное ландшафтоведение исследует этнокультурный опыт освоения природных ландшафтов Земли. Субдисциплины: этногеология ландшафта, этногеоморфология ландшафта, этноландшафтная метеорология, этногидрология ландшафта, этноландшафтные почвоведение, ботаника и зоология.

Антрополандшафтоведение исследует другую грань этнокультурного освоения ландшафтов Земли – создание культурных ландшафтов как

природно-культурных комплексов, их регионально-зональные и этнокультурные особенности, тенденции изменения и условия сохранения. Субдисциплины: традиционная экономика ландшафта, традиционная архитектура ландшафта, этнология ландшафта, фольклористика ландшафта и сакральное ландшафтоведение.

Лингвистическое ландшафтоведение, изучающее ландшафтные языки культуры и природы Земли, включает следующие субдисциплины: ландшафтную ономастику, ландшафтную топонимику, этноприродное и этнокультурное лингво-ландшафтоведение.

Климанова О.А.
Москва

**КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ
СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ**

Единство пространства Средиземноморья объясняется в равной мере природными и культурно-историческими факторами. Выделение границ региона по какому-то одному из природных или исторических критериев представляется уязвимым, однако их совместное применение дает четкую картину широтной эволюции средиземноморских культурных ландшафтов как единого целого от древнейших времен до наших дней. С точки зрения современного землепользования они представляют собой мозаику орошаемых и неорошаемых пашен, садов и виноградников, лесопастбищных угодий и немногочисленных участков лесов, соотношение между которыми в различных частях региона существенно меняется. Сопоставление ареалов распространения цивилизаций в различные исторические эпохи позволило выявить на территории Средиземноморья поли- и монокультурные ландшафты.

При изучении влияния древних и средневековых цивилизаций использовались их косвенные признаки и индикаторы в современном культурном ландшафте. В их число вошли: сельскохозяйственные культуры и животные, центры происхождения и одомашнивания которых находятся в странах региона и за его пределами, методы ведения сельского хозяйства (система севооборотов, орошение и т.д.), характерные типы «культурных ландшафтов» (например, «белые города» в Андалусии, «голубые деревни» в Тунисе), наличие археологических памятников и древних развалин. Полевые исследования показали, что некоторые типы таких «исторических ландшафтов» имеют широкое распространение по всему Средиземноморью (например, «римские ландшафты»), другие встречаются локально. Наблюдается и наложение одних исторических ландшафтов на другие вплоть до их повторения современными модификациями.

Коломейцева О.В.
Москва

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО
ЛАНДШАФТА МОСКВЫ**

Многовековая история Москвы дает большие возможности для изучения формирования культурного ландшафта на разных стадиях урбанизации.

Причины формирования культурного ландшафта, особенности расселения населения рассматриваются в их пространственной дифференциации. Границы муниципальных районов, несмотря на историчность их названий, проведены искусственно (центр бывшего селения иногда располагается на территории соседнего района).

На первый план выдвигается изучение пространственных отношений и структурных характеристик индивидуальных местностей. Типологическое исследование культурного ландшафта проводится в трех аспектах: селенческом, ландшафтно-статусном и ландшафтно-топонимическом. Селенческий аспект направлен на изучение различных типов поселений, существовавших на территории современной Москвы. Каждое поселение имело свое место в ландшафтно-статусной иерархии. Это место определялось как свойствами самого поселения, так и положением относительно других поселений. Так, деревни в бывших окрестностях Москвы, носящие хозяйственный характер, как правило, были приписаны, «тянули» к селу. В XVII в. появлялись и так называемые «приселки». Эти деревни имели отдельную церковь и находились в удалении от дворцового села, к которому были приписаны.

Выделяется три вида ландшафтно-топонимических процессов – сохранение, перемещение, поглощение топонима. Для XVII–XVIII вв. характерно сохранение старого топонима при смене типа места и его названия. К старому названию добавлялось новое название: село «Алексеевское, Копытово тож». Другим важным процессом можно назвать перенесение топонима со старого места на новое поселение. Этот процесс был характерен при возникновении новых слобод, поселков, выселок. Поглощение топонимов особенно заметно было в начале XX в. при образовании городов, вошедших позднее в состав Москвы.

Реконструкция культурного ландшафта с учетом его индивидуальных и типологических особенностей позволяет выйти на решение вопроса пространственно-временной организации города.

Котова О.И.
Красовская Т.М.
Москва

**ВИРТУАЛЬНЫЙ СААМСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ
ЛАНДШАФТ
НА КАРТЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
ХИБИНСКИХ ГОР»**

В отличие от природного наследия, культурное наследие Хибинских гор практически не изучено, хотя эта территория населена уже на протяжении многих веков. В процессе создания электронных карт природного и культурного наследия района особое внимание было уделено анализу аборигенной культуры. Это позволило сформировать базу данных, отражающую элементы материальной и духовной культуры саамов – первопоселенцев рассматриваемой территории. Картографическая привязка этих данных, анализ исторических, этнографических и фольклорных материалов, структуры природных ландшафтов позволили реконструировать виртуальный саамский культурный ландшафт, поскольку реальный ландшафт прекратил свое существование в начале XX в. в результате промышленного освоения территории.

Центром саамского культурного ландшафта был Экостровский погост. Определены элементы этого культурного ландшафта: положение границ, пастбищных и промысловых угодий, сакральных объектов, сделана оценка антропогенной нагрузки на кормящий ландшафт и т.д. База данных включает описание объектов материальной культуры, мифологии, саамскую топонимику, «структурирующую» культурный ландшафт, фотоматериалы и рисунки и т.д.

Полученные данные использованы при создании «слоя» электронной карты «Саамский период в истории освоения Хибинских гор». Мультимедийные средства представления информации (национальные орнаменты в оформлении карт, звуковая дорожка при их презентации и др.) и дизайн карты призваны сформировать у пользователя образное восприятие саамского культурного ландшафта Хибинских гор.

Крылов М.П.
Москва

**РАЗНООБРАЗИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЯДРЕ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ**

*Исследование проведено при поддержке РФФИ
(№ 01-06-80362)*

Под региональной идентичностью понимается системная совокупность культурных отношений, связанных с понятием «малая родина». Экспериментально (по материалам массовых опросов в Вологодской, Костромской, Ярославской, Воронежской областях и в Твери, опросов экс-

пертов в 22 городах) не подтвердились популярные концепции, согласным которым у русских и в России не выражены региональные культурные контрасты, а сеть ячеек геокультурного пространства монистична. Эмпирически выявлено существование трех ракурсов и трех императивов идентичности. Транстрадиционный – «мы любим наш край, потому что это – наша земля». Традиционалистский – «мы лучше других потому, что мы отличаемся от других; мы гордимся нашей землей, потому что мы – другие». Надтрадиционный – «мы лучше других, потому что мы самые успешные, передовые, “продвинутые” – поэтому я выбираю тот город, где я живу». Жесткая самоидентификация «мы – они» характерна лишь для традиционалистской и надтрадиционной идентичности.

Неоднозначно пространство региональной самоидентификации. Часто происходит самоотождествление не только с административным регионом, но и с его частью (Муромским или Арзамасским краем, а не Владимирским или Нижегородским), или, напротив, с макрорегионом (Югом, Севером, средней полосой). Неоднозначно восприятие центра «своего» региона (например, для Тамбовского края – Тамбов, Москва или Воронеж), а также социокультурного контекста, находящегося в системе «периферия» – «полупериферия» – «центр». Зафиксирована ментальная трансформация формальных регионов. Территории бывших губерний сохраняют значение неформальных регионов.

Куклина В.В.
Иркутск

КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ПРИАНГАРЬЯ

Несмотря на то, что процесс освоения Приангарья начался много столетий назад, в настоящее время трудно сказать, что он уже завершился. В данном случае мы имеем в виду опыт освоения символических ресурсов. Как верно отмечено В.Н.Калуцковым, «само понятие освоения носит этноцентрический характер». Освоение территории Прибайкалья разными этническими группами проходило в разные эпохи и в разных ландшафтах. Символический характер освоения выражался в выделении территорий «своих» и «чужих».

По данным исследования, проведенного автором в локальных общинах Приангарья, межэтнические различия в использованиях территории местами сохраняют свое значение. Сакрально значимый для бурят объект в деревне Вершина – Гора – сохранил своё значение, которое признаётся и поляками, проживающими в данном селе. Ежегодно к Горе съезжаются представители рода, проживающего по соседству с деревней Верши-

на, и потомки тех бурят, которые раньше проживали на территории Вершины, для выполнения своих религиозных обрядов. И в настоящее время территории осваиваются по-разному: по словам одной жительницы Вершины, вся земля «работает» – засажена картофелем либо под сенокосом, в Дундае же много земли «просто так стоит». По словам же жителей села Дундай, земли используются под пастбища.

Кучумов И.В.
Уфа

ОТ «УРАЛА» К «БАШКИРИИ»: ЭВОЛЮЦИЯ «ДРУГОГО» ПРОСТРАНСТВА В САМОСОЗНАНИИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Первые представления о территории Южного Урала в русской научной мысли начинают появляться только в XVI–XVII вв. Вероятно, ранее все население за восточными границами Руси, а особенно в Заволжье, было для русских «татарами» (т.е. нерусскими). Отголоски этого сохранялись вплоть до XVIII в.: в 1729 г. в источниках упоминаются «тотара, они ж именуется и башкирцы», «татары-башкирцы».

Судя по произведениям башкирского устного народного творчества, башкиры раньше не знали таких понятий как «Башкирия» («Башкортостан»), а обозначали занимаемую ими территорию словом «Урал». Понятия «Башкир», «Башкиры» (как обозначение территории), «Башкирия», «Башкирская земля», встречающиеся в русских источниках начиная с XVII в., вряд ли принадлежат башкирам и скорее всего использовались русскими чиновниками первоначально для обозначения территории Южного Урала. Еще в начале XVIII в. простое русское население именовало эти земли «Уралом», заимствовав это название у башкир. Впоследствии этот термин был вытеснен термином «Башкирия», ранее использовавшимся только в официальной документации царских властей.

Если термин «Урал» нес для русских властей пространственную смысловую нагрузку, то «Башкирия» воспринималась уже не столько в территориальном, сколько в социо-политическом ключе. Процесс формирования в русском самосознании понятия «Башкирия» шел одновременно с процессом осмысления культур местного нерусского населения как самостоятельных идентичностей.

Лавренова О.А.
Москва

РЕТРОСПЕКТИВНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕМИОТИКИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ ИСТОЧНИКАМ

В течении геокультурных процессов активно участвуют наука, религия, искусство. Но систе-

му пространственных образов, значимых в конкретной культуре, всегда наиболее объемно отражало искусство. В искусстве запечатлевалась динамика освоения географического пространства философской и эстетической мыслью, а также смена стереотипов, смена интенсивности семантической нагруженности мира. С одной стороны, художниками, писателями, поэтами создаются «портреты» пространства, видоизмененные в зеркале мировоззрения. Процесс вовлечения пространственных образов в произведения искусства происходит без специальной рефлексии со стороны творцов, поэтому велика достоверность отраженных в искусстве стереотипов определенной культуры. С другой стороны, искусство усиливает иконичность пространственных образов, т.к. привлекает их в наиболее смыслово и эмоционально акцентированную среду художественного языка и других изобразительных средств. Наиболее заметен этот процесс в поэтических текстах.

При запечатлении семантики географического пространства в художественной литературе неизбежно привнесение субъективного видения автора, а также искажений, обусловленных ограничениями языка при передаче информации, носящей преимущественно невербальный характер («смысл», «дух», «аура» места или культурного ландшафта при непосредственном контакте воспринимается именно в невербальной форме). Тем не менее была предпринята попытка картографического отражения геокультурного пространства в американской литературе и русской поэзии XVIII – начала XX вв. и реконструкции семантики географических объектов герменевтическими методами. Также по литературным источникам и живописи герменевтическими методами проведено исследование индивидуального восприятия географического пространства и построения целостной системы философско-географических представлений известных деятелей культуры.

*Литвин А.С.
Петрозаводск*

УКРАИНЦЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

Украинцы – один из крупнейших этносов Европейского Севера. Однако до последнего времени научных работ об украинцах Европейского Севера почти не было. Большинство украинцев-мигрантов предпочитали привычные лесостепь и степь, но многие прижились и на Севере. Основная часть их, быстро адаптируясь к новым природным и культурным условиям, ассимилировалась русскими уже в первом-втором поколениях. Для украинцев Европейского Севера важно, что они живут вблизи Санкт-Петербурга – региональной столицы всей Северо-Западной России,

культурное величие которой для украинцев было и остаётся на высочайшем уровне. Среди регионов Европейского Севера России сравнительно много украинцев проживает в Мурманской области, республиках Коми и Карелия.

*Манаков А.Г.
Псков*

ГЕОГРАФИЯ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ФОРМАНТОВ СЛАВЯНСКОГО МИРА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Примерно полвека назад в науке, изучающей славянскую топонимию, была очень популярна «теория формантов», активным сторонником которой был известный топонимист В.А.Никонов. Лозунгом этого направления топонимики можно считать слова, сказанные этим учёным: «Топонимические суффиксы, массово повторяясь на карте, могут стать своего рода “мечеными атомами”, отмечающими пути миграций: население переносит с собой привычные средства называния». В районах концентрации топонимов с теми или иными формантами создаётся специфическая топонимическая «окраска», которая воспроизводится в новых названиях населённых мест, тем самым продлевая жизнь очень древних топонимических формантов.

География топонимических формантов давно интересует исследователей многих славянских стран. Серьёзная работа по изучению ряда топонимических суффиксов была проведена российскими, украинскими, югославскими, болгарскими, словацкими и польскими топонимистами. Но применение «формантного метода» в топонимике обычно ограничивалось рамками отдельных государств, что препятствовало пониманию роли этнических процессов в формировании топонимической «окраски» всего славянского мира.

Опираясь на «формантный метод», автор обработал свыше 160 тысяч названий населённых мест в пределах всего славянского мира, включающего территорию Российской Федерации, Белоруссии, Украины, Польши, Чехии, Словакии, Болгарии, славянских стран Балканского полуострова и некоторых регионов соседних неславянских государств, оказавшихся в раннем средневековье участниками славянского этногенеза. Результаты картографического анализа наиболее распространённых славянских топонимических формантов могут быть использованы в качестве дополнительного источника при изучении славянского этногенеза в Центральной Европе, а также миграций славянского населения на территорию Восточно-Европейской равнины.

*Михеева Г.А.
Киров*

**КУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПРИЛЕГАЮЩЕГО ЛАНДШАФТА МАЛМЫЖА
В XVII в.**

На протяжении всего периода существования Малмыжа в его близлежащей округе прослеживаются функциональные характеристики четко очерченных районов культурного ландшафта. Город был расположен на узком мысе между рек, таким образом, что решало проблему обеспечения питьевой водой как в мирное время, так и на случай осады. Из кремля выходил подземный ход к одному из источников воды.

К востоку от города на крутом берегу реки Шошмы находилась священная роща Юмын-Ото, наличие рощи предполагает существование кладбища. Возможно, расширение изучения культурного ландшафта вокруг города даст возможность выявить в Малмыже обширный этноархеологический комплекс, имеющий сакральное значение. Подобные комплексы занимают обычно самое высокое место в окружающем ландшафте. По имени марийского князя Болтуша, павшего в битве с русскими, местность называется Болтушина гора. Один из склонов горы называется Ишкина гора, что свидетельствует о зонировании сакральной территории в соответствии со статусом марийских князей.

Перепад рельефных высот в ближней округе Малмыжа называется Крутой лог. Мистическую нагрузку этому урочищу придает легенда о шапке с золотом и богатствах, оставленных перед смертью князем Болтушем. Нитью, связывающей микроскоп города с внешним миром, была дорога, через два столетия ставшая Сибирским трактом.

С появлением в Малмыже русских урочища и священные места сохранили смысловую нагрузку, хотя роща и кладбище впоследствии исчезли.

*Мысливец В.И.
Москва*

**РЕЛЬЕФ ЗЕМЛИ, АНТРОПОГЕНЕЗ И ДРЕВНИЕ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Основная неоднородность строения Земли проявляется в наличии Тихоокеанского и Индо-Атлантического полушарий. Первое – океаническое, второе занято материками и вторичными океанами. Различия между полушариями носят не только морфологический, структурно-геологический и географический характер. Сейсмотомографические и изотопные исследования показывают, что они охватывают мантию до глубин в сотни километров. Указанная дифференциация прослеживается и в типах цивилизаций: традиционные приурочены к Тихоокеанскому полушарию, техногенные – к Индо-Атлантическому. В

пределах западной и восточной ветвей Тихоокеанского полушария также есть свои различия: цивилизации Америки не знали не только колеса, но также гончарного круга и плуга. Крупные реки, в отличие от Старого Света, не сыграли заметной роли в их развитии, хотя Миссисипи и Рио-Гранде протекают в благоприятных природных условиях. Таким образом, различия между полушариями имеют не только естественно-исторический, но и цивилизационный характер.

Главные события человеческой истории – переход к прямохождению, образование вида *Homo Sapiens*, неолитическая революция, возникновение древнейших цивилизаций – пространственно связаны с довольно ограниченной частью суши. Эти регионы прежде всего отличаются от окружающих территорий высокой интенсивностью энергетических преобразований рельефа. Помимо пространственных в этих явлениях, вероятно, существуют и причинные связи. Правоммерно поставить вопрос о значении для человечества рассматриваемых регионов.

*Наизатов Б.З.
Улан-Удэ*

РАССЕЛЕНИЕ БУРЯТ В КОНЦЕ XIX в.

Конец XIX в. для бурятского этноса характеризуется закреплением сложившихся на основе Степных дум этнотерриториальных групп, характерными чертами которых были особенности языка, культуры и т.п. В большинстве случаев на основе этих территориальных групп были созданы аймаки Бурят-Монгольской республики. В начале III тыс. сельское бурятское население остается в основном в пределах расселения своих предков. Отмечаются даже факты возвращения и поселения в прежде заброшенных улусах.

Опубликованные данные переписи 1897 г. позволяют представить сложившиеся к концу XIX в. картину расселения так называемых административных бурятских родов, зачастую основанных по племенному признаку. Исследования XX в., современные полевые материалы позволяют дополнить картину расселения бурятских племен в конце XIX в.

В общем, весьма актуальной является проблема составления подробной этнографической карты расселения бурятских племен в конце XIX в. Подобная карта в дальнейшем может помочь исследователям в области этнографии, истории, языкознания и других дисциплин.

Никитина С.Е.
Москва

О ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Локальные культуры могут считаться территориальными вариантами конфессиональной культуры, если сохраняют те конфессиональные черты, по которым опознается именно эта конфессиональная или субконфессиональная культура, какими бы различными ни были при этом характеристики, связанные с типом окружения, языковыми, географическими и другими факторами. Так, специфика обряда крещения или тип распятия существенны для определения старообрядческого согласия; ролевая структура молоканского собрания (например, наличие/отсутствие «действенников» и пророков) является одной из дифференцирующих черт, различающей «постоянных» молокан и молокан-«прыгунов». Тип говора, светский фольклорный репертуар или тип хозяйствования дифференцирующими признаками самой конфессиональной культуры не являются, однако они составляют весьма значительную часть содержания ее территориального варианта.

В каждой конфессиональной культуре можно выделить три уровня: уровень Закона (догматики), данного Богом, уровень обряда или овеществления закона через богослужение и связанные с ним действия, в том числе и речевые, а также уровень порядка – установлений, принятых обществом для удобства совершения обряда и исполнения Закона (например, пение псалмов у молокан «стоймя» или «сижмя», цвет богослужебной одежды). В территориальных вариантах конфессиональных культур остаются константными элементы Закона, варьируются некоторые (но не все!) элементы обряда и еще более свободны в своем варьировании элементы порядка. Очень важно при этом различие «своего» и «чужого» самими носителями культуры.

Новожилов А.Г.
Санкт-Петербург

ТРАДИЦИОННАЯ СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ В ВЕРХНЕМ ТЕЧЕНИИ ОКИ

Заселение лесостепной полосы русскими земледельцами полностью отвечало классическим образцам расселения на Восточно-Европейской равнине – от приречной системы через освоение водоразделов к сетевой модели.

Первоначально (до XIX в.) осваивались долины собственно Оки и ее крупных притоков. Именно здесь расположились наиболее крупные волостные и владельческие села, являвшиеся одновременно центрами приходов.

Несколько позже крестьяне стали осваивать истоки рек и ручьев окского бассейна, где обра-

зовывались обширные аллювиальные долины. Тем самым обеспечивалась равноудаленность от луговых (приречных), полевых (водораздельных) и водных ресурсов. Эти поселения имели статус деревень, наиболее крупные из них становились центрами новых приходов.

На втором этапе (XIX в.) занимали свободные участки сухополов за счёт сведения лесов, для обеспечения водой (до XIX в.) рыли пруды. Такие поселения назывались хуторами (до XIX в.), реже – деревнями. Эти поселения сохраняли церковно-приходские связи с «материнскими» сёлами.

Во время столыпинских реформ образовались посёлки. Часть дворохозяев исходного поселения отселялась на дальние полевые участки, но не разряжено, а скученно по 10–20 дворов в посёлке.

В первый период коллективизации каждое поселение организовывалось в свой колхоз. В сёлах таких колхозов было от двух до пяти. Укрупнение колхозов (1949–1960 гг.) привело к возвращению посёлков в социальную систему материнских сёл и деревень. Формирование колхозной инфраструктуры в центральных усадьбах привело к постепенному запустению посёлков. Запустение коснулось и водораздельных хуторов и деревень, особенно тех, которые стоят в стороне от крупных транспортных магистралей.

Пестерев В.В.
Курган

О СЕМАНТИКЕ СЛОВА «ЧЕРТЕЖ» В ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ: К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ КАРТОГРАФИИ В XVI– XVII вв.

В историографии, посвященной истории отечественной картографии допетровского периода, неизменно подчеркивается высокий уровень ее развития и выраженная практическая направленность. Также распространено мнение о самом раннем бытовании русских карт (по некоторым оценкам, XIII–XIV вв.).

Существует, однако, несколько фрагментов, плохо вписывающихся в эту картину. Во-первых, это отсутствие массового картографического материала при единичности и нарочитой декоративности сохранившихся картографических произведений. Во-вторых, это наличие обширного корпуса вербальных (текстовых) документов, содержащих геопространственную информацию (например, дорожники, писцовые и межевые книги). В-третьих, при наличии довольно значительного числа текстов, снятых с иностранных карт или атласов и переведенных на русский язык, не обнаружено ни одной карты, перечерченной из иностранного источника.

По-видимому, сравнительно частое употребление в отечественных источниках XVI–XVII вв. термина «чертеж» является важнейшим и сильнейшим доводом в пользу тезиса о развитости

русской картографии и снимает спорадически возникающие вопросы. Подборка выдержек из документов XVII в. показывает, что термин «чертеж» в рассматриваемый период был полисемантический, причем основой его семантического спектра являлось представление о границе, содержащей и ограждающей освоенное пространство. По-видимому, под «чертежом» могли пониматься не только тем или иным способом ограниченные сегменты геопространства, но и средства их отображающие, сначала текстовые, а затем и графические.

В XVII в. в связи с постепенным переходом от старой (антропоцентрической) к новой (картографической) парадигме пространственного восприятия (концепция А.В.Подосинова) термин «чертеж» все чаще начинает употребляться применительно к графическим формам отображения геопространственных реалий, а с XVIII в. утрачивает все другие смыслы.

*Пименова Р.А.
Москва*

ЭТНОГЕОГРАФИЯ И КУЛЬТУРА

В период, когда происходит процесс глобализации всех аспектов жизни, когда техническая цивилизация все больше одерживает победу над духовной, когда мир наполнен межэтническими конфликтами, особое значение приобретают исследования этнокультурных особенностей отдельных стран, истории их развития и современного состояния.

Устойчивость духовной культуры есть одно из условий жизнеспособности этноса. Устойчивость культуры определяется, во-первых, ее содержанием, во-вторых, способами ее воспроизводства в поколениях. Этнокультурный аспект устойчивого развития предполагает сохранение культурного и этнического разнообразия. Для устойчивого развития культурные и этнические аспекты имеют не меньшее значение, чем прогресс в науке, экономике, технологиях.

Славянский культурно-исторический тип представляет синтез евро-азиатских сторон культурной деятельности и исторически сложившегося многообразия этносов. Он соединяет в себе и религиозные, и общественно-экономические, и духовные черты.

Для России всегда было характерно многообразие этносов. Сначала это было многообразие славянских корней, с различием мест обитания, нравов, диалектов, позже к ним примкнули народности неславянских корней, с их языком, религией. И все это должно было слиться, чтобы стать единым целым. Поэтому и искусство развивалось как живой символ синтеза, но так, что-

бы не стерлось индивидуальное, чтобы в творческом смысле оно имело собственный голос.

*Стрелецкий В.Н.
Москва*

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО И РОССИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Культурный регионализм в Западной Европе – закономерное следствие исторического развития субконтинента, сложившейся еще в средние века децентрализации всех сторон общественной жизни. Культурный регионализм в России, напротив, формировался в условиях централизованного, но полиэтничного государства, в связи с чем именно этническое разнообразие стало ключевым культурно-дифференцирующим фактором.

Культурно-географические различия между Западной Европой и Россией можно объяснить исходя из особенностей и характера освоения их пространства. В Западной Европе регионализация культуры протекала в первую очередь по мере «уплотнения» освоенного пространства, его «обустройства», в России – в основном по мере формирования локальных субкультур в процессе колонизации новых территорий и инкорпорации в культурное пространство иноэтнических ареалов.

Отчетливо выраженное региональное самосознание населения – характерная особенность Европейского культурного пространства. В России в отличие от Западной Европы, особенно в пределах этнокультурного мегаядра страны, «вертикальная» поляризация пространства (различия «город-село», «крупный город-малый город») выражена в настоящее время более рельефно, чем его «горизонтальная» дифференциация (различия между культурными районами). Таким образом, при описании местонахождения какого-либо локуса в культурном пространстве определяющее значение в подавляющем большинстве случаев имеет уже не принадлежность его к тому или иному большому культурному ареалу, но его собственный статус и близость к крупному центру.

Однако вопреки распространенному мнению, это есть не проявление «аспатиальности», внепространственности русской культуры, но в первую очередь результат сильного разрушения в XX в. традиционной сельской культуры. С начала 1990-х гг. отмечается усиление культурного регионализма в пределах этнокультурного мегаядра России, проявляющееся, например, в «ренессансе» регионального самосознания этнических русских (Юг Европейской России, Сибирь).

Трапезникова О.Н.
Москва

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ АГРОЛАНДШАФТОВ ТАЕЖНОГО ПРИКАМЬЯ

Результатом аграрного освоения таежных притоков Камы земледельческими племенами (предками коми и коми-пермяков) стало формирование к IX–XII вв. своеобразных агрогеосистем – поречий. Возникновение поречий связано с вынужденным переселением этих племен из долин нижней Камы и Белой на верхнюю Каму и ее притоки (под защиту непроходимых южно-таежных лесов) вследствие миграций кочевников в середине I тыс. н.э.

Вплоть до реформы 1861 г. в регионе господствовало патриархальное натуральное сельское хозяйство, основанное на подворно-захватном типе землепользования. Русская стихийная колонизация XVI–XVII вв. носила мирный характер и не внесла принципиальных изменений в сельское хозяйство региона.

Крепостное право, возникшее после 1701 г., также не изменило характера землепользования и землевладения, поскольку не привело к формированию крупно-поместного товарного земледелия. События конца XIX и XX вв. кардинально изменили структуру сельского хозяйства, структуру расселения и образ жизни людей, однако структура сельскохозяйственных угодий почти не претерпела изменений.

Причинами устойчивости реликтовой агроландшафтной структуры являются изначально изолированное положение поречий, оградившее их от влияния событий, менявших ход аграрного развития в Центральной России; возможность однонаправленного экстенсивного развития агроландшафтной структуры территории в течение длительного периода времени, сложные и контрастные природные условия, накладывающие жест-

кие ограничения на возможности сельскохозяйственного использования земель. Как следствие, сложилась экологически оптимальная пространственная агроландшафтная структура поречий.

Харитонов А.М.
Владивосток

О ДОСТОВЕРНОСТИ ЛЕГЕНДЫ О ПРОНИКНОВЕНИИ ГУННОВ В КРЫМ ЧЕРЕЗ КЕРЧЕНСКИЙ ПРОЛИВ

К этой легенде обращается, например, Л.Н.Гумилев в главе «Легенда об олене или непредвиденная победа» в книге «Гегемон Азии». Согласно Иордану, в 371 г. гуннские всадники погнались на Таманском полуострове за самкой оленя. Прижатая к берегу моря, та не остановилась, а перешла в Крым прямо по морской воде. Вслед за ней, установив место брода по подводной отмели, в Крым вторглись и гунны, разбив при этом готов.

Какова историческая достоверность данной легенды? Как и ко всякой легенде, отношение к ней скорее скептическое. Между тем как можно перебраться через современный Керченский пролив, если его ширина в самом узком месте сегодня не менее 4 км при наибольшей глубине в 4–5 м?

Но если бы уровень Черного моря в IV в. был бы на 2–3 м ниже современного, то переход через Керченский пролив действительно не представлял бы столь большой сложности. Действительно, авторами учебного пособия «Плейстоцен» (1968) приводятся данные о небольшой фанагорийской регрессии (с V в. до н.э. до III–IV в. н.э.), в результате которой уровень моря оказался на 2–3 м ниже современного уровня. Всаднику на коне такое море было действительно «по колено». Тем самым легенда получает достоверное подтверждение.

XIV.2. ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Руководители Клоков К.Б., Ямсков А.Н.

*Алиева В.Р., Назаров Р.Р.
Юнусова Д.М.
Ташкент*

ЭТНОЭКОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТРАДИЦИИ СОЧЕТАНИЯ НОМАДИЗМА И ОСЕДЛОСТИ

На протяжении длительного времени господствовало представление о принципиальной несовместимости кочевого и оседлого типов хозяйств. Следует признать, это лишь упрощенная схема. В историческом развитии центрально-азиатской цивилизации в её структуре значительное место занимали полуоседлые и полукочевые группы, выполнявшие роль своеобразных посредников между оседлыми и кочевыми этносами.

Даже у этносов, традиционно считавшихся кочевыми, можно наблюдать группы со смешанным типом хозяйства. Среди казахов это группы с комплексным хозяйством на севере, в дельтах Амударьи и Сырдарьи, возле озер (Балхаш и др.), среди киргизов – группы, занимавшиеся богарным и поливным земледелием (в долинах Чу и Таласа, у Иссык-Куля, в Ферганской долине), среди туркмен – земледельцы оазисов долин Мургаба, Теджена, Амударьи и т.д. Каракалпаки также часто вели комплексное, скотоводческо-земледельческое хозяйство, а за пределами Хорезмского оазиса вообще переходили на чисто оседлое хозяйство. И наоборот, среди этносов традиционно оседлых, земледельческих были группы полукочевые. Среди узбеков – потомки дашти-кипчакских племен, среди таджиков – группа хардури в горах Байсуна и т.д. Хотя основной тенденцией было постепенное оседание кочевых этнических и субэтнических групп, иногда можно было наблюдать и обратный процесс, связанный с конкретными возможностями хозяйствования, природно-экологическими условиями, их трансформацией, межэтническими контактами, особенностями хозяйственных связей. В целом нельзя не признать достаточно рациональным подход к сочетанию элементов оседлого и кочевого хозяйства.

*Баллиева Р.
Нукус*

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КАРАКАЛПАКОВ

В родо-племенном отношении каракалпаки низовий Амударьи делилась на две большие группы (арысы): *арыс он торт уру* и *арыс конград*. В

арысы входило 12 племен, которые объединяли более 100 родов. В соответствии с делением арысов на две части, делились и их территории. При сопоставлении карты природных условий с картой расселения и хозяйства видно, что в XIX в. арысы занимали различавшиеся по ряду характеристик территории и соответственно отличались некоторыми особенностями ведения хозяйства. Например, каракалпаки *арыс конград* занимались скотоводством, рыболовством и орошаемым земледелием (в основном каирным). Они были расселены в северной части дельты на землях, прилегающих к Аральскому морю. Это было типичный дельтовый ландшафт, с озерами, протоками, болотами. Каракалпаки *арыс он торт уру* занимались преимущественно земледелием и скотоводством, они населяли центральную часть дельты, бассейн канала Кегейли.

Топонимика Приаралья XIX в. показывает, что отдельные хозяйства каракалпаков группировались по родственному признаку на мелких арыках, ответвляющихся от главных родовых каналов. Орошаемые земли, оросительные арыки, пастбища считались принадлежащими «роду». Каждое «племя» и «род» имели ряд общих хозяйственных интересов в пределах системы каналов и общинных пастбищ, которые назывались по именам родов или родоначальников (биев, аксакалов).

*Башаров И.П.
Улан-Удэ*

РУССКАЯ ПРОМЫСЛОВАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОЧНОГО ПРИБАЙКАЛЯ (ЗАИМСТВОВАНИЕ В СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ)

Роль заимствований в различных отраслях промысловой деятельности русского населения Восточного Прибайкалья неодинакова. В рыболовстве и пушной охоте количество инокультурных элементов минимально. Это объясняется тем, что с приходом русских эти промыслы получили товарное направление и автохтонные народы сами были вынуждены к этому приспособляться. Напротив, в способах добычи копытных заимствований много. Чтобы объяснить этот факт, необходимо обратиться к механизму образования различных форм промысловой деятельности и выявить причины, обуславливавшие интенсивность межкультурного обмена.

Использование тех или иных способов добычи животных связано, прежде всего, с природными факторами (биология животного, климат, ландшафт).

дшафт), от которых зависит уязвимость объекта промысла. Эта природная часть дополняется традиционными знаниями и орудиями промысла (оружие, ловушки). Природная составляющая способов добычи рыбы и пушных зверей на территории Европейской России и Сибири достаточно единообразна, что позволяет использовать одни и те же промысловые формы. С добычей копытных складывается иная ситуация. Во-первых, в Сибири есть виды копытных, которые отсутствуют в европейской части России (например, кабарга). Во-вторых, в добыче копытных большую роль играют элементы ландшафта, а сибирские ландшафты значительно отличаются от восточноевропейских. Примером могут служить природные солонцы, которых в европейской части России нет. Поэтому для успешного промысла русским были необходимы знания и модель действий, которые они заимствовали у коренных народов Сибири. Можно сказать, что на интенсивность заимствования влияли природные факторы и законы формирования промысловых форм, определяющие их универсальность или узкую специализацию.

*Бигуаа В.Л.
Сухуми*

ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И КУЛЬТУРА МАТЕРИАЛЬНОГО ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ АБХАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ

Этнологическое изучение диаспоры абхазов в Турции (потомков депортированной во второй половине XIX в. части этого народа), строго говоря, еще не началось. Данное сообщение – результат индивидуальной поездки автора в Бурсу, Енигель и Адапазары.

Традиции расселения и природопользования абхазов проявили себя и в Турции: каждое общество – *акыта* – осело там, где географические условия приближаются к привычным абхазским. Села получили те же названия, которыми обозначались покинутые места на родине (Цабал, Цвиж, Ахчпысы, Джгярда, Члоу и др.). Большинство сел состояли и сейчас состоят из одного или двух-трех с давних времен соседствующих, выручающих и защищающих друг друга родов. Однако бурная урбанизацию привела к значительному сокращению их населения.

В ущельях и предгорьях абхазы занимались, отчасти и сегодня занимаются, привычным делом – разведением коз и овец, а в низменных районах – земледелием. В горных районах преобладает разбросанный тип поселения, в приморской зоне и долинах рек – более упорядоченный, близкий к уличной планировке.

Живые постройки, как и в Абхазии, располагаются в глубине просторного двора, однако современный дом абхазской сельской семьи – это

обычный турецкий одно или двухэтажный, кирпичный или же шлакоблочный. Кое-где сохранились старинные жилища с темными, обмазанными глиной стенами, четырехскатной крышей, крытой дранью или даже соломой (*ахачиш*), которые строили предки абхазов на своей исторической родине.

Из национальной одежды до недавнего времени сохранялась только мужская *ахацаматва*, однако сегодня и она полностью уступила место общеевропейскому костюму.

Наибольшей консервативностью отличается национальная пища *ансуа чыс*, без которой даже в городах редко обходится семейный обед.

Очевидна взаимообусловленность этноэкологического аспекта и традиционной культуры материального жизнеобеспечения абхазской диаспоры, в известной степени способствующая сохранению ее национального духа и самосознания.

*Ганжза А.Г.
Москва*

ДЕМОГРАФО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ И ЭТНОГЕНЕЗ (КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ)

Группы первобытных людей постепенно, методом «проб и ошибок», накапливали знания об окружающей их среде (климате, рельефе, ресурсах и т.д.), что становилось основой биологической и культурной адаптации. На этой основе у каждой группы вырабатывались свои собственные, связанные с особенностями конкретной окружающей среды стереотипы природопользования, мировоззрения, языка, одежды и пр. («первичные этнические признаки»). Эти стереотипы передавались в процессе обучения от поколения к поколению и закреплялись в сознании молодежи повседневным опытом, т.к. следование им удовлетворяло все потребности данного общества. Со временем к ним настолько привыкали, что воспроизводили автоматически, как традиции (аналог наследственности в живой природе).

В период «демографических кризисов» среди большей части молодежи авторитет традиций падает («конфликт поколений»), поскольку те уже не могут удовлетворять их потребностей. Надежды на лучшее будущее теперь все больше связываются у многих с идеями немногочисленных «еретиков», способных мыслить и действовать нетрадиционно, что помогает преодолеть кризис (отсюда их «харизма»). Это достигается, например, с помощью миграций. У мигрантов в новых условиях на «первичные этнические признаки» накладываются «вторичные», связанные с адаптацией к новой территории, где такие демографические циклы повторялись. Другим способом выхода из кризиса является увеличение «демографической емкости» территории за счет развития производительных сил – благодаря социальным, техническим и другим новациями (ана-

лог изменчивости у животных) «культурных героев», вследствие чего у этносов появляются новые признаки.

Чужие традиции внедряются в этносы с большим трудом в периоды, близкие к кризисам, когда собственные традиции ослабевают и общество разобщено.

*Годовых Т.В., Годовых В.В.
Анадырь*

ЭКОЛОГИЯ ДЕТСКОЙ ПОПУЛЯЦИИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЧУКОТКИ (1994–2004 гг.)

Состояние здоровья населения Чукотки в историческом периоде претерпевает изменения. Особенно интересно влияние глобализации на состояние здоровья. Показатели заболеваемости являются экологическим индикатором состояния здоровья популяции. Исследования проводили с учетом групп населения: 1) пришлое население (прибывшие на территорию Чукотки из разных районов страны), 2) коренное население (малочисленные народы Севера, проживающие на территории Чукотки постоянно), 3) общее детское население Чукотки, 4) аналогичные данные по Российской Федерации.

Общая заболеваемость детской популяции (до 17 лет) на Чукотке на протяжении исследуемых лет выше общероссийской, причем у детей второй группы она превышает аналогичный показатель детей первой группы. За последние пять исследуемых лет отмечено увеличение общей заболеваемости детей второй группы следующих нозологий: болезней уха и сосцевидного отростка, заболеваний костно-мышечной системы, болезней органов дыхания, болезней крови и кровеносных органов, болезней эндокринной системы, новообразований. За этот же период выявлено снижение общей заболеваемости у детей второй группы по инфекционной и паразитарной заболеваемости, психическим расстройствам, перинатальной патологии, травмам и отравлениям, болезням глаза. Данные болезни могут быть обусловлены генетической предрасположенностью, плохими социальными условиями, поведенческой культурой родителей. Впервые за исследуемый период отмечено снижение общей заболеваемости детей малочисленных народов Чукотки в 2001 г. и 2002 г.

*Дробышев Ю.И.
Москва*

ДРЕВО МИРОВОЕ И ДЕРЕВО МИРСКОЕ В МОНГОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В традиционной культуре монгольских народов дерево имело символическое и прикладное значение. Образ «Мирового Древа» прослежива-

ется в монгольской культуре как минимум с XII в. Возможно, именно такое дерево описано в «Сокровенном сказании монголов» (1240 г.). Оно омыслилось как воплощение «Мировой оси» и служило для выполнения ритуалов по особо значимым для монгольского общества случаям (интронизация нового хана, победа в войне и т.п.). В Монголии известен также культ «деревьев-матерей», способствующих исцелению, получению потомства и пр. На севере страны существовали «шаманские деревья», связанные с обрядами получения шаманского дара и погребения шаманов. Все эти категории деревьев считались сакральными, и на них, разумеется, распространялись многочисленные запреты. Из природопользования они исключались. Однако культовое отношение к дереву в Монголии неверно распространять на все деревья. Хотя материальная культура монголов обусловлена степными ландшафтами, древесина требовалась для изготовления предметов обихода, вооружения, местами и на топливо. Во время войн леса вырубали на пути следования войск. Важно отметить, что добыча древесины в старой Монголии велась в пределах необходимого, сопровождаясь ритуалами испрашивания разрешения на рубку у духов-хранителей. В наши дни леса Монголии интенсивно и нерационально вырубаются на потребу рынка, и еще больше их гибнет от ежегодных пожаров. Хотя прообразы «Мировых Деревьев» существуют и сейчас, отношение монгольского общества к обычным деревьям чисто утилитарное.

*Зенько М.А.
Москва*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ

Этнокультурный ландшафт (ЭЛ) представляется многомерным и потому междисциплинарным объектом исследований. Его можно определить как форму самовыражения культур местных сообществ в конкретных условиях среды или как территориальную единицу взаимодействия локальных этнокультурных сред и ландшафтного окружения. Он играет важную роль в формировании этнокультурного и социально-экономического пространства России. Структура последнего должна учитывать эколого-хозяйственную ориентацию местностей, подобных или относимых к этнокультурному ландшафту, на традиционную экономику. Этнокультурные ландшафты требуют сохранения, поскольку обеспечивают условия для устойчивого природопользования, например, оленеводства. Они есть способ и средство воспроизводства традиционного опыта и в целом этнокультурной информации, соответственно, и конкретной этнической и ландшафтной (природной) среды.

Показательно, что предмет исследований, по-

священных этнокультурным ландшафтам, спектрально совпадает с предметом охраны, определяемым для него согласно ФЗ об объектах культурного наследия народов РФ и методикам этнографии. В американской юридической практике *этнографические ландшафты* относятся к одной из четырех разновидностей охраняемых культурных ландшафтов. В интерпретации статей указанного ФЗ, ЗК РФ и других нормативных актов этнокультурный ландшафт может входить в разряд земель историко-культурного назначения либо особо ценных земель, шире – земель ООПТ. В качестве предмета охраны могут устанавливаться этнически специфичные особенности культуры, выраженные в конкретных объектах хозяйственно-материального и духовного содержания, характеризующихся признаками недвижимого имущества.

Само понятие этнокультурного ландшафта сопоставимо (содержательно) с предложенной для характеристики лесных ненцев понятием «эколого-хозяйственно-культурные комплексы», а также с понятием «локальных культурных комплексов», разрабатываемым А.Г. и И.А. Селезневыми. Этнокультурный ландшафт близок (что отмечено А.Н. Ямсковым) концепциям ХКТ, историко-этнографических областей и, по свидетельству его российского адепта В.Н. Калущкова, культурного ландшафта.

*Истомин А.А.
Москва*

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАЛИФОРНИЙСКИХ ИНДЕЙЦЕВ С ПРИРОДНОЙ СРЕДОЙ

Индейцы Калифорнии в условиях доземледельческой экономики создали сходный с земледелием по продуктивности и некоторым методам вариант собирательского хозяйства, дополняемого охотой и речным рыболовством, где используемая территория предварительно подвергалась своего рода обработке. Без пахоты и посева они устраивали искусственные пожары (палы) с целью облегчить всход полезным растениям (некоторые местные виды адаптировались к ежегодным пожарам), а также разредить подлесок для более продуктивной охоты. Аналогичную зерновую роль в этом регионе играл дуб, желуди которого, обработанные и размолотые, давали некий эквивалент хлеба. Керамику индейцам Калифорнии заменили плетеные из корней водонепроницаемые корзины и сосуды. Развитая культура собирательства, богатство флоры и фауны, мягкий климат обеспечивали Калифорнии самую высокую плотность населения к северу от цивилизаций Мезоамерики, не считая зоны пуэбло. К

Калифорнии применимо понятие В.А. Башилова об атипичной модели «неолитической революции», происходящей в рамках присваивающей экономики. Однако здесь также можно говорить и о «параземледельческой» модели взаимоотношений с природной средой.

Палы в Калифорнии были осознанным активным воздействием на природную среду для обеспечения оптимального «паркового» ландшафта, состава и продуктивности видов. Они стали компонентом системы природопользования, стимулирующим и регулирующим воспроизводство природной среды, что, казалось бы, свойственно лишь производящей экономике. Практика палов перекликается с протоземледельческой тенденцией у ряда северокалифорнийских народов (табак). Индейцы как будто «культивировали» дикие виды, способствуя одним и подавляя другие. В Калифорнии были представлены не только экологическая адаптация, но и адаптирование природной среды в рамках экоадаптационной в своей основе модели.

*Клоков К.Б.
Санкт-Петербург*

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ И РАЗВИТИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА РОССИИ

Доклад основан на результатах исследований социальных и экономических проблем северного оленеводства, проводившихся в 1999–2004 гг. при поддержке Фонда МакАртуров, Университета города Тромсё и программы ОИФН РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии». В ходе этих исследований на основе систематизации статистических данных, отчетности оленеводческо-промысловых предприятий и архивных материалов был проведен сравнительный ретроспективный анализ изменений в хозяйстве ряда северных народов, в различной степени связанных с оленеводством: саамов, ненцев, коми-ижемцев, селькупов, кетов, нганасанов, долган, эвенков, эвенов и чукчей.

В докладе рассмотрены следующие вопросы. Основные закономерности эволюции оленеводческого хозяйства северных народов России в XX в. Различия в направлениях эволюции оленеводства и в тенденциях изменения поголовья домашних оленей у разных народов в советский период и в период постсоветских реформ. Связь между изменениями в оленеводческом хозяйстве и демографическими показателями коренных народов. Сравнительный анализ воздействия природных, социально-политических и экономических факторов на различные типы оленеводства. Основные природные и социально-экономические ограничения и барьеры на пути развития оленеводческого хозяйства в настоящее время. На основе проведенного ретроспективного анализа автором

сделана попытка сформулировать необходимые условия сохранения устойчивости этноэкологических систем, основанных на оленеводческом хозяйстве, и определить направления развития оленеводства, которые в наибольшей степени соответствуют особенностям современного положения различных коренных народов России.

*Любимова Г.В.
Новосибирск*

К ВОПРОСУ О ТИПАХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И МОДЕЛЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКИХ СИБИРИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

В отличие от традиционного мировоззрения, основанного на идеях единства человека и окружающего мира, рационалистическое мировоззрение, возобладавшее в науке и философии, начиная с Нового времени, строилось на противопоставлении природы и человека. Идея преобразования мира и подчинения человеком природы на долгие годы стала определяющей в развитии всего общества, что как нельзя лучше отразилось в лозунгах советской эпохи: «Природа не храм, а мастерская», «Мы не можем ждать милостей от природы» и пр. Идеология борьбы и покорения природы, бездумное расхищение природных ресурсов серьезно деформировали не только среду обитания, но и самого человека.

Ставшая очевидной к середине XX в. проблема исчерпаемости природных ресурсов привела к крушению прежней научной парадигмы, допускавшей, что при любых масштабах человеческой деятельности ее влияние на природу будет носить ограниченный характер, всегда оставаясь «пренебрежительно малой величиной». Целенаправленная оптимизация отношений человека с окружающей средой связана сегодня с формированием нового универсального экологического мышления. Новый менталитет, основанный на идеях эволюционного единства человека и его природного окружения, рассматривается при этом как необходимое условие выживания всего человечества или как своего рода «экологический императив XXI в.». Выказанные положения иллюстрируются в докладе материалами, характеризующими различные типы экологического сознания и модели экологического поведения сельского населения Сибири в XX в. Особое внимание уделяется анализу современного состояния экологической культуры русских сибиряков.

*Муллагулов М.Г.
Уфа*

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТНОШЕНИЯ БАШКИР К ЗЕМЛЕ И ЗЕМЛЕДЕЛИЮ

Отношение башкир к земле и земледелию, их восприятие природы в целом связаны с тем, что они с детства воспитывались в духе уважения и поклонения земле, солнцу и воде. По их представ-

лениям, «Земля–Вода» есть источник силы, с ними связано существование природы, в том числе и самого человека. По мнению башкир, сельскохозяйственная обработка земли – это пагубное действие, землю нельзя беспокоить, тем более «ранить». Земля от этого «плачет». В связи с этим к внедрению у себя земледелия русского типа башкиры относились негативно. Соответствующие мероприятия царского правительства на Южном Урале не поддерживались башкирским населением. Чтобы не допустить «порчи» земли, башкиры прибегали к разного рода ухищрениям: предварительно прожаривали зерно, картофель держали в горячей золе, из-за чего они не произрастали.

Таким образом, настороженное отношение башкир к земледелию объяснялось не их «природной ленью», как считали некоторые дореволюционные авторы, а особенностями мировоззрения башкир, стремлением этноса сохранить природу в первозданном виде, доминированием принципа «разумной достаточности», что характерно для многих восточных народов.

*Муратова Е.Г.
Нальчик*

ПРИРОДНЫЙ ФАКТОР И БАЛКАРСКАЯ МЕТРОЛОГИЯ

Способы измерения пространства имеют этническую специфику, обусловленную как природно-географическими факторами, так и потребностями хозяйственного и общественного быта. В горах Балкарии нормы землепользования базировались на скудных возможностях природно-ресурсного потенциала территории, что нашло свое отражение в особенностях метрической системы. Острое малоземелье выработало у балкарцев такие земельные меры, как «кулач», «аякь-узун», «таш-орун», «черен-орун», «гебен-орун».

М.Абаев еще в начале XX в. раскрыл их метрическое содержание: «кулач» значит обхват около 2–2.5 аршина, «аякь-узун» – длина ступни ноги; «таш-орун» – место под один камень; «черен-орун» – пахотное место, дающее одну копну хлеба; «гебен-орун» – место, дающее одну копну сена.

Меры площади также определялись величиной затрат труда при пахоте, севе и уборке урожая. По данным 80-х гг. XIX в., однодневная пашня сохой с парой быков составляла 300 кв. сажень. На распашку участка в три десятины уходило 24 дня. При совершении различных сделок с землей, для четкой регламентации повинностей, «платы за кровь» и свадебных платежей размер участков исчисляли количеством копен, получаемых при среднем урожае хлеба или сена. Работа комиссии по исследованию землевладения и землепользованию в Нагорной полосе Терской области в начале XX в. позволила более точно определить метрическое содержание различных величин площади и соотнести их с русскими мерами. Каждая горская копна хлеба равнялась 2

сабам или 3 русским четверикам. Одна десятая хорошей поемной пашни давала примерно 20 горских копен хлеба, десятая поемного луга – 15 горских копен сена, а десятая обыкновенного покоса – 10 копен сена. Размер горской копны сена варьировался от 8 до 10 пудов.

*Назарова А.Ф., Кузнецова М.Г.
Москва*

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ РУССКОЙ СЕЛЬСКОЙ ПОПУЛЯЦИИ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ:

ПО ДАННЫМ ПОПУЛЯЦИОННОЙ, ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
И МОЛЕКУЛЯРНОЙ БИОЛОГИИ

Исследовали сельскую популяцию Сараево в Ярославской области. Тотальный генеалогический анализ выявил инбредные браки, которых немного по сравнению с сельскими популяциями Европы и Латинской Америки. Коэффициент инбридинга для данной русской сельской популяции 0.0002. По данным генеалогического и демографического исследования оценили индексы плодовитости, смертности и потенциального отбора в этой сельской популяции Ярославской области, составившие соответственно 0.032; 0.2019 и 0.2407. Эффективно-репродуктивный объем популяции в настоящее время крайне мал. Анализ смертности за последние 15 лет выявил пик смертности в 1999 г.

Исследование полиморфизма митохондриальной ДНК населения Сараево показало наличие гаплогрупп H, W, U, X, T*, T1, U, Pre*V2. Наибольшая частота у гаплогруппы H, что свойственно северным европеоидам, а гаплогруппы U и Pre*V2 часто встречаются у русских Юга России. Жившие в этом регионе в первом тысячелетии нашей эры финно-угорские племена меря смешались в дальнейшем с колонизовавшими эту территорию уже с конца 1 тыс. н.э. славянами, войдя полностью в состав русского народа.

Демографический прогноз для популяции Сараево говорит о возможном варианте депопуляции в связи с высокой смертностью и малой плодовитостью. Однако есть надежда на увеличение популяции в связи с появлением мигрантов из других районов России и из стран ближнего зарубежья.

*Напрасников А.Т.
Иркутск
Задорожный В.Ф.
Чита*

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Проблемы традиционного природопользования малочисленных народов многогранны, затрагивают этнические, геополитические, социальные, культурные и многие другие сферы человеческой деятельности. Их решение связано с

обоснованием и выделением территорий традиционного природопользования (ТТП). В институте географии СО РАН и в Институте природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН уже давно занимаются проблемой выделения ТТП, прежде всего в географическом аспекте. Исследования проводятся в двух направлениях: ресурсно-географическом с основами полиэтнического природопользования (Задорожный и др.) и культурно-социально-географическом, включающего изучение этнокультурного пласта традиций оживления территории.

Теоретические и практические проблемы обоснования и выделения территорий традиционного природопользования решались на основах исследований видных отечественных ученых, с учетом зарубежного опыта Канады и США и 30-летнего опыта общения авторов с эвенками в периоды экспедиционных работ в районах Крайнего Севера. К настоящему времени по просьбе администраций Читинской и Иркутских областей выделены ТТП в северных районах Читинской области и в Катангском районе Иркутской. Авторами обосновываются положения о необходимости выделения территориальных систем традиционного природопользования (ТСТП), в которых ТТП в контакте с другими территориальными типами природопользования формировали бы единую непротиворечивую систему. Возникают также проблемы согласованного обоснования, выделения и законодательного утверждения ТТП на федеральном, региональном и местном уровнях.

*Плужников Н.В.
Москва*

СОВРЕМЕННЫЙ НОМАДИЗМ И ПРОБЛЕМЫ ОЛЕНЕВОДСТВА

В наши дни крупно-табунное оленеводство продолжает оставаться маркером этнических культур (например, ненецкой, долганской и чукотской), свидетельствующим об их тесной связи с определенным образом жизни. Ликвидация оленеводства влечет за собой крайне негативные трансформации этнической группы, связанные с разрушением этнического самосознания, личностной деградацией, кардинальной переменной системы ценностей и др.

Образ жизни, связанный с крупно-табунным оленеводством, принято называть «номадным». Он характеризуется традиционной техникой выпаса оленьих стад, которую в советское время пытались изменить с помощью административных рычагов, считая ее малорентабельной и культурно отсталой. Реорганизация системы привела к замене длинных, вытянутых сезонных маршрутов короткими круговыми, и дало возможность применить вахтовый метод и убрать из оленеводства его семейную составляющую. По этой причине оленеводство стало преимущественно мужским занятием. Такая реорганизация была повсеместно проведена на Чукотке и в Ненецком АО. В результате возникла проблема разделения семей, а оленевод-

ство потеряло свою популярность у молодого поколения, поскольку осложняло заключение браков. Другая проблема возникла с введением обязательного школьного образования. С одной стороны, система ценностей, навязываемая «детям тундры» соответствовала цивилизации оседлого типа, а с другой, давала возможность сравнения, при котором кочевничья образ жизни оказывался более трудоемким, особенно для женщин.

Возникновение последнего разрушительного фактора связано с перестройкой: это реорганизация совхозов и появление малооленных семейных фермерских хозяйств, которые в современных экономических условиях совершенно нерентабельны.

Для сохранения оленеводства необходимы не только в соответствующее земельное законодательство и восстановление экономических связей северных регионов с «материком», но и возникновение новых внутриэтнических социальных структур, подобных тем, которые были разрушены при коллективизации.

*Токсубаева Л.С.
Казань*

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЭКОЛОГИИ СЕЛЬСКОГО ЖИЛИЩА У НАРОДОВ КАЗАНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Исследование по программе «Экология сельской усадьбы» является попыткой осмысления таких сложных образований, как усадебный комплекс и жилище поволжских народов, с позиций специфики взаимодействия отдельных этнических культур с ландшафтом и социально-культурными компонентами среды. Поселениям, жилищу и усадьбе, как важнейшим элементам материальной культуры народов края, посвящена обширная этнографическая литература. Во многих работах авторы обращают внимание на влияние природно-географических факторов на конструктивные особенности жилища, планировку усадьбы и др. Однако многие вопросы остаются недостаточно разработанными.

Анализ литературных источников позволяет очертить некоторые аспекты традиционного экологического опыта поволжских народов как составной части их культуры. Вместе с тем социально-экономические преобразования, внедрение урбанистической культуры, во многом трансформировавшие традиционный уклад жизни, несомненно, повлияли и на эту сферу культурного наследия населения Казанского Поволжья. Задача исследования – выявление как традиций, так и инноваций в использовании таких компонентов природной среды, как микрорельеф местности, источники воды, растительный покров и др. для обеспечения основных жизненных потребностей носителей этнических культур края.

В данном сообщении предполагается рассмотреть методологические подходы к исследованию,

содержание и структуру программы, обобщить материалы апробации программы. Программа включает многочисленные вопросы об устройстве собственно жилой постройки, усадьбы, двора с точки зрения обеспечения комфортности и санитарно-гигиенических потребностей жителей. Рассматриваются проблемы утилизации отходов, как непосредственно на усадьбе, так и в населенном пункте. Особое внимание обращено на характер водных источников, используемых как для питья и приготовления пищи, так и для хозяйственных целей. Включены вопросы о возможных критериях оценки качества воды, способов ее доставки и др.

*Хрущев С.А.
Санкт-Петербург*

ЭТНОЦЕНОЗЫ ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРА РОССИИ: ПУТИ ДОСТИЖЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ

Разработанная Л.Н. Гумилевым концепция этноценоза как этноэкологической системы позволяет на новом уровне оценить возможности достижения устойчивости традиционного природопользования народов Севера. Системная целостность этноценоза обеспечивается трофическими цепями, а его устойчивость зависит от структуры, продуктивности, многообразия составляющих его природных и хозяйственных компонентов, возраста этнической системы. Этноценозы большинства народов Севера находятся в неустойчивом динамическом равновесии, причем факторы, вызывающие его нарушения, имеют в основном внешний характер. Это политика государственного патернализма, промышленное освоение, асимметричность межкультурных взаимодействий и др.

Проблемы устойчивости этноценозов северных народов мало исследованы. Необходимо изучение всего комплекса факторов, оказывающих негативный эффект на этноэкологические системы «этнос–ландшафт», и механизмов их регенерационной и адаптационной устойчивости.

На основе проведенного нами историко-статистического исследования самодийского оленеводческого хозяйства («Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России», СПб., 2004) можно сформулировать основные условия, необходимые для достижения устойчивости этноценозов, основанных на оленеводстве: поддержание экологической устойчивости кормящего ландшафта, составляющего природную основу этноценоза; развитие партнерских отношений государственных и корпоративных структур с организациями, представляющими интересы оленеводческих народов; законодательные гарантии реализации прав народов Севера на земельные и природные ресурсы; устранение социальных причин, препятствующих передаче адаптивных навыков традиционного оленеводства от поколения к поколению.

XIV.3. НАРОДНЫЙ ОПЫТ ОСВОЕНИЯ СРЕДЫ И ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Руководитель Руднев В.В.

**Валулина З.Р.
Уфа**

ДУХОВНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ БАШКИР

Республика Башкортостан сегодня – высоко-развитый промышленный регион, испытывающий многочисленные экологические проблемы. Экологические традиции башкир, зародившиеся еще на языческом «уровне» их взаимодействия с природой, оказали влияние на формирование норм их бытия. Башкирский «экологизм» – уникальное культурно-историческое явление. Кочевники жили в согласии и гармонии с природой. Башкиры не охотились на промысловых зверей и птиц. Они строго регулировали объем добычи, исходя из разумных потребностей, не трогали животных в период размножения и вскармливания потомства. Во время нереста избегали шумных работ вблизи водоемов, не били молодняк, не разоряли птичьи гнезда. Они строго следили за восстановлением травяного покрова на пастбищах, не рубили и не ломали деревья (и кустарники) во время сбора плодов. Значительную роль в экологизации мировоззрений башкир сыграл конфессиональный фактор. Ислам наложил табу на причинение бессмысленного вреда природе и ее ресурсам. О достаточно высоком уровне развития экологических архетипов свидетельствуют старые праздники башкир, имевшие экологическую составляющую. Традиционно родную землю охраняли от загрязнения, периодически устраивали коллективные мероприятия по очистке и облагораживанию поселений. Родники и колодцы были под особым присмотром, их ограживали и содержали в чистоте. Эти традиции не потеряли свою актуальность. Сегодня в условиях экологического неблагополучия необходимо прислушаться к нравственным императивам народного опыта природопользования.

**Власов В.Г.
Москва**

МЕСТО ЭТНИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Некоторые пороки современной медицины, порожденные идеологией физиологического универсализма, известны: лекарственные средства, предназначаются формально, без поправок на индивидуальные особенности человека (без учета его расовой и этнической принадлежности).

Между тем, игнорирование этих факторов ведет к снижению успеха врачевания. Практикующие врачи обходят этот «изъян», проводя над каждым пациентом лабораторный эксперимент *in vivo*, в ходе которого подбирают для него индивидуально приемлемые (т.е. реально действующие и не слишком ядовитые) снадобья.

В то же время в архаических пластах народно-медицинских систем обнаруживаются факты, свидетельствующие о том, что ранняя медицинская практика по составу лекарственных средств и методам их применения носила отчетливый этноспецифический характер. Это явление могло возникнуть как реакция на разные потребности этнических групп, которые можно объяснить тем, что народы помимо культурной обладают и биологической спецификой. В настоящее время это положение подтверждено работами в области этнической генетики (этногеномики) и фармакогенетики, что, к сожалению, не нашло применения в клинической практике.

Опыт народной (этнической) медицины представляет сегодня не только исторический интерес. Он предлагает, в частности, процедуры учитывающие индивидуальные различия пациентов (черты, определяемые их этнокультурной принадлежностью), что может иметь позитивную ценность для современной медицины.

**Волкова Л.А.
Глазов**

ПЛАНИРОВКА УДМУРТСКИХ СЕЛЕНИЙ (ТРАДИЦИОННЫЙ ОПЫТ ОСВОЕНИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ)

Жилая среда удмуртских поселений XIX – начала XX вв. создавалась с учетом природных факторов и условий хозяйственной деятельности (потребностей земледелия, пастбищно-стойлового животноводства, лесных промыслов и ремесел), что получило отражение в планировке населенных пунктов. Застройка долгое время оставалась свободной, «разбросанной». Усадьбы в таких селениях располагались на большом расстоянии друг от друга и отделялись сельскохозяйственными угодьями, элементами естественного ландшафта (оврагами, реками, лесом). Даже небольшие селения занимали обширное пространство и производили впечатление крупных населенных пунктов.

С середины XIX в. администрация Вятской губернии стала целенаправленно вмешиваться в разработку планов селений (преследовались эко-

номические, правовые, эстетические цели). Были разработаны типовые планы селений, которые предлагались взамен традиционных планировок, веками сложившихся рядовых (однорядных), уличных (двурядных) и смешанных планировок.

Взаимодействие планировочных проектов землеустроительных комиссий с традиционной народной практикой организации пространства селений прослеживается в письменных приговорах сельских сходов. Прежде чем подписать официальный документ, жители обсуждали представленные землемерами планы.

В случае несоответствия предложенных проектов представлениям жителей села (план не соответствовал ландшафтным особенностям, улица удалена или наоборот находится слишком близко от источника воды, расположена на затопляемом участке или на косогоре, предусматривает снос существующих строений и др.) мирской сход предлагал свои варианты планировки, отвечавшие принципам целесообразности и «природосообразности».

Гаер Е.А.
Москва

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Экологические проблемы, пожалуй, единственные, которые не делят народы по национальностям и вероисповеданию. Эти проблемы – общечеловеческие, планетарные.

Тем не менее у коренных малочисленных народов они имеют свою специфику: у них сложилось четкое представление о землях предков, природных богатствах, окружающем их мире, сформировались свои принципы отношения ко всему этому, своя философия и своя космология. Обществу следует признать и внимательно относиться к накопленным этими народами знаниям в области освоения среды и использования ресурсов. Именно этот опыт позволил народам в доиндустриальную эпоху адаптироваться к экстремальным климатическим условиям.

Необходимо создать банк данных об экологическом опыте коренных малочисленных народов Севера.

Залиханов А.М.
Москва

ТРАДИЦИОННЫЙ ОПЫТ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ

Одним из путей решения проблемы рационального природопользования стало изучение традиционного опыта народов мира в области ведения хозяйства в различных физико-географических условиях. На планете существует множе-

ство территорий, где коренное население в течение многих сотен, иногда тысяч, лет живет в согласии с окружающей природой, став составной частью природной экосистемы, не нарушая структуры и внутренних связей этой системы. Само отношение аборигенов к окружающей их природе в корне отлично от отношения к ней «цивилизованного» человека. Стремление сохранить природу планеты, попытка найти пути рационального переустройства мировой цивилизации, диктует необходимость изучения традиционного опыта землепользования. Опыт народов мира, живущих в самых разных природных условиях представляет интерес для исследователей изучающих взаимоотношения человека и окружающей его природы. Объектом такого исследования может являться изучение особенностей хозяйствования жителей Центрального Кавказа – балкарцев и карачаевцев. Археологические находки показывают, что в течение почти 5 тысяч лет (начиная с эпохи бронзы до наших дней) на всей территории Центрального Кавказа сохранялся один и тот же тип хозяйствования – доминирующее сезонно-отгонное скотоводство со вспомогательным сельскохозяйственным производством зерновых культур, ассортимент которых менялся в зависимости от изменений климата. Факт неизменности хозяйственного типа свидетельствует о высокой приспособленности местного населения к климату, рельефу и другим природным особенностям этой высокогорной территории.

Канатьева Н.С.
Астрахань

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ НАРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Нижнее Поволжье является уникальным регионом с точки зрения природно-климатических и ландшафтных условий России. Формирование специфических хозяйственно-культурных типов данного региона проходило в особых (даже для России) условиях. Угроза затопления части региона водами Волги и Каспия стимулировала переселение народов. Миграции, вызванные природными факторами, изменения природного ландшафта, а также новые условия жизни по-разному сказывались на судьбах народов, населяющих регион.

Население Нижнего Поволжья подразделялось (по характеру хозяйственной деятельности и природопользования) на «кочевников» (оседлых и полuosедлых), «рыбаков-ловцов» (морских и речных, так называемых «верховых» и «низовых»), «служилых». Особо выделялось население занятое иной хозяйственной деятельностью (казаки, чумаки и примкнувшие к ним иноэтнические группы). Всех их отличало присущее только им отношение к базовым категориям окружающей природы (Небу, Земле, воде, огню, домаш-

нему очагу и жилищу), месту и роли человека в мире, а также специфика взаимоотношений с соседними этническими общностями.

С появлением и укреплением в регионе ведущих монотеистических религий (иудаизма, ислама, христианства и буддизма) на формирование экологического мировоззрения народов Нижнего Поволжья стали воздействовать три определяющих фактора: комплекс домонотеистических представлений, комплекс монотеистических представлений и комплекс синкретических представлений, возникший как результат взаимодействия первых двух.

*Марсадолов Л.С.
Санкт-Петербург*

ЛАНДШАФТ И СОЦИУМ: ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ И КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ САЯНО-АЛТАЯ В «СКИФСКОЕ» ВРЕМЯ

*Исследование проведено при поддержке РГНФ
(№ 03-01-00468 а).*

Исследования Саяно-Алтайской археологической экспедиции Эрмитажа показали, что при создании социально значимых сооружений население Саяно-Алтая «скифского» времени использовало определенные каноны и правила поиска, разметки и строительства будущего культового или погребального памятника. Сначала выбиралась подходящая долина или урочище, затем ритуально важный центр комплекса, позднее – места для основных объектов. Для погребения вождей и знати выбирали самое высокое и лучшее место в межгорном урочище. При очень сложной разметке главных больших объектов использовались основы сакральной астрономии, геомантии, геометрии, нумерологии и др.

Социальная организация саяно-алтайских кочевников VIII–IV вв. до н.э. не описана в древних письменных источниках. Поэтому факты по исследуемому вопросу накапливались медленно в процессе раскопок курганов и последующего осмысления материалов. Классификации, подразделяющие все курганы на большие, средние и малые, легко позволяют даже без раскопок отнести любой курган Саяно-Алтая к той или иной социальной группе. Но более детальный комплексный анализ позволяет выделить внутри каждого из трех вышеназванных типов курганов еще по две-три более дробные, но четко различимые обрядовые группы или «ранги».

В основных чертах вырисовывается довольно сложная и иерархичная социальная структура кочевников Саяно-Алтая «скифского» времени, функционировавшая в горно-степном ландшафте и в свою очередь оказывающая на него определенное воздействие.

*Подмаскин В.В.
Владивосток*

НАРОДНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ПРИМОРЬЯ, ПРИАМУРЬЯ И САХАЛИНА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭТНОСОВ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

С древних времён Приморье, Приамурье и Сахалин населяют тунгусо-маньчжуры (нанайцы, ульчи, орочи, ороки, удэгейцы негидальцы) и палеоазиаты (нивхи). Эти народы традиционно занимаются охотой, рыболовством и собирательством и поэтому обладают блестящим знанием своей территории. Им во всех подробностях знакомы рельеф местности, речные системы, растительность, климатическая и метеорологическая обстановка в регионе. Каждый топоним связан с интенсивным освоением местности.

При ориентации в пространстве большое значение имело направление реки и господствующего ветра. Эта особенность нашла отражение в гидронимах: Солולי, Единка (удэгейцы). Распространены географические названия Када, Кадали (орочи, удэгейцы, ульчи), Кадан (нанайцы) – скала, утёс, указывающие на наличие каменной возвышенности. Название горного хребта Сихотэ-Алинь совпадает с географическим термином алан (эвенки и эвены) – горный перевал. Нанайское наименование Сахалэ – чёрный хребёт. У многих народов Евразии понятие «чёрный» ассоциируется с понятием «север».

Повсеместно встречаются гидронимы, характеризующие охоту и рыболовство: Мапанса, Мафанга (медвежья), Нахтау (кабанья), Зандаси (барсучья), Охоме (река горбуши), Зали (тайменевая), Кактя (сазанья). Нивхские топонимы Ухта, Мхыль, Челмок семантически связаны с охотой на медведя.

В основу некоторых названий были положены термины, связанные с местной флорой. Гидронимы Талуке, Талуга появились в результате того, что здесь всегда обдирали кору белой берёзы – необходимый материал для хозяйственных нужд. Сангке означает багульниковая, Гактаку – ягодник, Хоронколакан – дубовая роща и др.

Выделяются народные географические названия, характеризующие верования и ритуалы. Среди них встречаются мифологические персонажи Бучу (хозяин ветров), Какзаму (культурный герой), Кои (мифический орёл бури и грома), Мудури (дракон). Отмечены места жертвоприношений (Бырки, Нагривитыф, Канкудыми). На территории, занимаемой коренным населением, расположены десятки священных мест, охраняемых духами-хозяевами. Они якобы карают охотников за причиненный природе вред.

В топонимах обнаружены этнонимы и антропонимы тунгусского, монгольского, айнского, якутского, корейского, китайского и русского про-

исхождения, характеризующие историко-культурные связи.

*Рахматулина З.Я.
Уфа*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК БАШКИР «САБАНТУЙ»

Башкирский сабантуй, во многом созвучный весенним торжествам народов Поволжья, – праздник, в котором нашли своеобразное преломление ментальные особенности и «экологизм» народа. С древних времен главным занятием башкир было полукочевое скотоводство, но им была известна и культура ячменя. Сабантуй возник в языческом прошлом из ритуалов, наполненных экологическим смыслом: задабривание многочисленных духов природы, от милости которой зависела жизнь башкир, кочевая судьба которых всегда была полна опасностей. Сабантуй древние башкиры праздновали непосредственно перед перекочевкой с зимнего стойбища на летнее. Это было ответственным временем: от благосклонности природы зависела не только благополучная жизнь на предстоящей летовке, но и обеспеченное будущее. За лето нужно было набраться сил, заготовить продукты, откормить скот, вырастить урожай. Празднику предшествовала торжественная и ответственная процедура умилостивительных жертвоприношений всему языческому пантеону. Мифологическое и экологическое здесь слиты были воедино и образовывали тот духовный стержень, который и определяет гармоничное, полнокровное бытие человека, когда он пребывает в согласии с собой, со своими священными природными покровителями. Башкиры осознавали, что, прежде всего, природа – «хранитель» их бытия.

Сабантуй был не только своеобразным механизмом социального и духовного единения, но и демонстрацией и закреплением глубинных жизненных архетипов народной души, чувствующей свое неразрывное единство с миром природы.

Как праздник труда и весны сабантуй имеет сегодня статус общереспубликанского праздника.

*Рогова М.В.
Иркутск*

ЭКОЛОГИЯ ЭТНОСА (НА ПРИМЕРЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПРИБАЙКАЛЬЯ)

Главную ценность для этноса представляет сохранение среды его обитания. Для коренного народа ресурс среды является своеобразным духовным ресурсом. Освоение новых территорий – процесс оказывающий сложное влияние на жизнь народов. Исторически многочисленные народы теснили малочисленные, вводили на освоенных

землях свои порядки, внедряли свою культуру, хозяйство.

Ольхонский район на западном побережье озера Байкал на протяжении нескольких тысячелетий является центром межкультурных взаимодействий.

В разное время здесь пересекались культуры северных народов-оленьеводов, якутов и курькан, кочевых монголов и бурят. С XVIII в. началось массовое переселение народов с европейской части России с устоявшимся земледельческим типом хозяйства. Русские, поляки и др. образовывали в Байкальском регионе земледельческие деревни. В XX в. разработка земельных угодий достигла в регионе критического уровня. Распашка пастбищ, перевыпас скота – те сельскохозяйственные ошибки советского времени, которые привели к нарушению растительного покрова и развалу кормовой базы в районе. Возврат к традиционному животноводству с выведением пастбищ из оборота – единственно возможный вариант сохранения сельскохозяйственной базы района и восстановления природной среды.

*Руднев В.В.
Москва*

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ И ГОРОД XXI в. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИКОРОСОВ

Урбанизационные процессы, сложно повлиявшие на жизнь общества, сопровождались в XX в. глобальной трансформацией взаимоотношений в системе «человек–природа–общество». Создание среды, соответствующей потребностям индустриального общества (способствовавшее как решению старых проблем, так и появлению новых), сыграло роль контекста в процессе уточнения значения отдельных достижений культуры, в том числе и эмпирического опыта освоения природы, накопленного народами мира в доиндустриальную эпоху.

Избыточный прессинг общества на природу стимулировал повышение внимания общества к поиску пути решения возникших экологических проблем. Это нашло отражение в разработке концепции устойчивого развития, принятой на конференции ООН по проблеме развития и окружающей среды (Рио де Жанейро, Бразилия, 1992 г.). По мнению исследователей, решение проблемы связано с реализацией комплекса мер, в частности, с расширением сферы использования технологий «дружественных природе».

Отмечаемое повышение интереса жителей городов к дикоросам обусловлено, как свидетельствуют опросы, стремлением горожан нейтрализовать воздействие неблагоприятных экологических условий на здоровье (это выражается в росте числа людей с ослабленным иммунитетом, страдающих аллергией). Сегодня в сегменте повседневного питания и в процедурах оздоровления

жителей Москвы, Ростова-на-Дону и Уфы разнообразно представлены дикорастущие растения: ягоды (клюква, черника и др.) и травы (шалель, разные виды горцев). Ассортимент используемых дикоросов определяется традициями русских и других народов России, которые использовали эти растения для питания и лечения.

Особое внимание в докладе уделяется традициям использования флоры и фауны народами России (в лечебных целях) в контексте проблемы поиска пути устойчивого развития.

*Семенов М.В.
Краснодар*

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ У КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

Тот факт, что любой этнос, проживая в какой-либо естественной среде, испытывает на себе её воздействие, является общепризнанным. Сложившиеся под влиянием географической среды формы и типы традиционной культуры, несмотря на их устойчивость и даже некоторую консервативность, при изменении окружающей природной обстановки реагируют на воздействие географических факторов. Это случается, например, когда та или иная этническая группа оказывается (в результате различных историко-социальных причин) в другой географической зоне. Освоение русским и украинским казачеством и крестьянством территории Кубани – пример таких взаимоотношений между человеком и природной средой, результаты которых явились ощутимыми не только для хозяйственной деятельности, но и для этнической культуры.

Способность «укореняться быстро» в иных природно-географических условиях – одна из важнейших черт казачества, которая позволяла ему не только адаптироваться к внешней среде, но и активно развивать свои адаптационные способности, создавая тем самым новые формы этнической культуры.

В процессе адаптации к новым природно-климатическим условиям казаки (на первых этапах освоения Кубани) сумели сохранить свои традиционные занятия. Однако некоторые традиционные промыслы (например, пчеловодство) из-за иных климатических условий приживались плохо. Скотоводство, доминировавшее первоначально, уступило свои позиции земледелию. Между тем необходимо отметить, что условия жизни первых поселенцев на Кубани были далеко не благоприятными, и только акклиматизировавшиеся потомки украинских и русских переселенцев стали менее подвержены местным болезням.

На формирование и развитие народных знаний кубанских казаков оказывали влияние геогра-

фические и природные условия, климат и окружающая среда (физическая и социальная), а сам процесс их формирования у кубанских казаков был направлен на развитие адаптационно-адаптирующей деятельности человека. Исходя из специфики новых условий проживания, казаки приспособивались к новым природным условиям, используя и совершенствуя опыт народных знаний метропольных территорий и создавая тем самым оригинальную традицию.

*Темплинг В.Я.
Тюмень*

РАСТИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (XIX–XX вв.).

Рассматривая роль традиции в трансляции знаний от старшего поколения младшему, приходится констатировать, что в фундаменте устойчивости народных медицинских знаний лежит не только непосредственная и целенаправленная их передача от носителя посвящаемому, но и некоторые другие основания. В нашей гипотезе мы исходим из принципиального утверждения, что традиция (в данном случае врачебная) состоит как из неизменяемой (инвариантной), так и изменяемой (мобильной) частей. Инвариантность опыта составляет не столько конкретные знания, сколько интуитивное, неэксплицированное знание общих принципов организации лечебного процесса. Один из главных принципов здесь может быть определен, как представление о том, что любая вещь, наличествующая в окружающем мире, включает в себе потенциальную способность воздействия на человека. Таким образом, инвариантную часть опыта, иначе можно назвать инструментарием, с помощью которого то или иное лекарственное средство инкорпорировалось в коллективный опыт и становилось достоянием исторической памяти. Важным элементом этого инструментария является личность знахаря. Почему инвариант не могут составлять знания о конкретных веществах? Потому что они в известной мере историчны и детерминированы наличествующей окружающей средой и включенностью данной общности в процессы обмена.

Народная медицина русского старожильского населения Сибири представляет собой результат приспособления предшествующего, вынесенного из мест прежнего проживания опыта к новым условиям. Инструментарий – сфера статическая, инвариантная, а известная динамика может быть наблюдаема в составе фармакопеи и в вариативности применения уже известных лекарственных средств, и именно здесь шла непрерывная деятельность, которую можно определить как мобильный инвариант традиции.

Тихомиров К.Н.
Омск

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ МИГРАНТОВ

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ
(№ 05-01-01516а) и МН РФ (№ 655)*

Группы населения, имевшие совершенный набор приемов выживания, переселившись, попадали в другие условия. Чем больше была разница между исходной и конечной точками миграции, тем больше было несоответствие навыков жизнеобеспечения. Для успешного существования люди вынуждены были приспосабливаться. В условиях подobia природно-климатических условий рациональные приемы хозяйствования были одни и те же. Наиболее быстрый и рациональный способ успешного выживания – заимствование рациональных приемов жизнеобеспечения и знаний о местах добычи ресурсов у местного населения. Однако возможен и «экспериментальный» путь (самостоятельных проб и ошибок) при ведении хозяйства в новых условиях. Но при добыче того же ресурса, который использовало и местное население, новые мигранты неизбежно придут к приемам добычи и местам получения продуктов, аналогичным использовавшимся населением до них. При этом возможно появление культурных реминисценций в культуре новых жителей. Это возможно даже в том случае, когда между пришлым и местным населением существует не только пространственный, но и временной разрыв. Так, в культуре народов Западной Сибири отмечаются некоторые элементы, ведущие свое начало из бронзового – раннего железного веков. Например, некоторые приемы рыболовства тюркоязычного населения указанного региона существовали здесь еще в бронзовом веке. Вызвано это существующими природными условиями. Часть этих приемов позаимствовали русские.

Таким образом, существовала некая экологическая преемственность у мигрантов в Западную Сибирь.

Фурсова Е.Ф.
Новосибирск

НАРОДНЫЕ АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ КУЛЬТУРНОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ

Перенесенные переселенцами из европейской части России традиционные знания о небесных телах и явлениях были приспособлены к новым условиям жизни в процессе хозяйственного освоения Западной Сибири в XVII – первой трети XX вв. Наряду с другими аспектами народного

опыта природопользования они работали как составляющие механизмов системы «памяти культуры». Как и в европейской России повседневная жизнь заставляла сибирских крестьян вести астрономические наблюдения, поскольку в своей практике земледельцы непрерывно сталкивались с годичным и суточным движением Солнца и Луны, звезд, солнечными затмениями, другими небесными явлениями. Еще в XIX – первой трети XX вв. весь режим жизни крестьян строился в зависимости от положения солнца на небосводе. В календаре было несколько дат, по которым солнце особым образом являло себя и с которыми связывались прогнозы сельскохозяйственного года: на Пасху, Вознесение, Петров день светило «играло». Довольно много поверий было связано с Луной. К фазам Луны приурочивалась посадка многих огородных растений, приемы целительства (прежде всего детей) и др. Важную для жизнеобеспечения информацию давали скопления звезд «Волосожар», Утренняя и Вечерняя звезды, «Ковши», «Святая дорога» и др. Все исходившие «с неба» знаки и приметы считались роковыми, воздействовать или изменить которые не представлялось возможным.

Четкарева Р.П., Четкарев Ю.Э.
Йошкар-Ола

ЭКОЛОГО-НРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДА МАРИ ПО СОХРАНЕНИЮ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ

Республика Марий Эл по праву считается одной из самых богатых поверхностными и подземными водными ресурсами.

По традиционным представлениям народа мари вода рек, озёр, родников является наиболее благотворной, энергоёмкой, жизнеутверждающей силой природы. Отношение к воде у мари изначально гуманное, разумное, благоговейное. Водные источники наделены защитными функциями и божественными ликами: Вуд Ава Юмо, Тенгыз Юмо, Энгер Юмо, Ер Юмо, Памаш Юмо (Богиня Мать Вода – главная, Богиня Океана, Богиня Реки, Богиня Озера, Богиня Родника).

Сискренним уважением маришцы относятся к родникам и колодцам. Чаще предпочитают воду, взятую из трёх родников, вытекающих вместе или в отдельности. Родник для мари – место поклонения и моления, а «святая» вода его – средство восстановления здоровья и достижения благополучия.

С незапамятных времен маришцы проявляют заботу о сохранении в водоёмах рыб, лягушек, рачков и, особенно, пернатых – белых лебедей, диких гусей, а также журавлей. Все они считаются священными и к ним отношение особое. Бытует уважительное отношение к созвездиям, связанным с названиями этих водоплавающих: Йўксо кашта, Кайык комбо корно (Дорога гусей и лебедей – Млечный путь), Лудо пыжаш (Гнездо уток – Полярная звезда).

Особую заботу марийцы проявляют о сохранении воды в чистоте и в движении без застойных явлений.

Традиции бережного и разумного отношения к воде способствовали сохранению чистых вод и огромного количества родников на территории края.

С целью сохранения народных традиций и их возрождения в последние годы в республике проводятся мероприятия по очистке и облагораживанию источников воды при активном участии службы управления природными ресурсами, общественных организаций, населения и учащейся молодёжи под девизом «*Памаш ишнча*» (Источник).

Юрчак О.А.
Санкт-Петербург

ПОМОРЫ ТЕРСКОГО БЕРЕГА: ТРАДИЦИЯ И КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

В декабре 2004 – январе 2005 гг. сотрудники РЭМ принимали участие в комплексной экспедиции ООО «Лаборатория ТЭСС» на Кольском полуострове в рамках федеральной программы «Культура Русского Севера». Южная группа работала на Терском берегу Белого моря.

Сегодня жизнеобеспечение поморов Терского берега базируется на компонентах традиционного хозяйственного уклада: промысле рыбы и морского зверя. Однако взаимодействие с индустриальной культурой накладывает отпечаток на культуру жизнеобеспечения поморов в целом. Применение индустриального инструментария облегчает в значительной мере традиционную хозяйственную деятельность, допускает существование прибавочного продукта и натурального обмена. Негативные последствия давления индустриального общества на природу проявляются в нарушении механизма естественной саморегуляции биосферы. Техногенные ресурсы, однако, становятся частью альтернативной стратегии адаптации. Традиционный этнокультурный опыт освоения среды не может предложить поморам альтернативную замену их контактам с индустриальным обществом.

Специфика среды формирует особый тип субъекта адаптации, нацеленного на выживание в любых обстоятельствах. Среди местного населения отмечено стремление сохранить свою самобытность. Повседневная практика диктует необходимость сохранения представителями среднего поколения традиций, непосредственно связанных со способами выживания. Отмечен активный интерес к собиранию и сохранению традиций и высокая «пассионарность» представителей старшего поколения. Младшее поколение демонстрирует высокую степень вовлеченности в хозяйственную деятельность и связь между поколениями. Регион представляется перспективным для междисциплинарных исследований механиз-

мов и стратегий адаптации и возможностей поиска альтернативных институционализированных форм адаптации с учетом современных тенденций общественного развития.

Ямсков А.Н.
Москва

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИНДИКАТОРОВ СОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЭКОЛОГИИ

Исследование выполнено при поддержке программы ОИФН РАН «Общественный потенциал истории»

Концепция устойчивого развития в 1990 гг. стала теоретическим основанием прикладных направлений наук об обществе. Представляя мир как целостную систему, включающую общество (население), природу (географическая среда) и хозяйство (экономика), эта концепция для воплощения в жизнь предполагает (1) создание модели сбалансированной, устойчиво развивающейся системы (желаемое будущее), (2) адекватную оценку современного состояния указанных элементов системы и (3) разработку программы перехода от настоящего к требуемому устойчивому состоянию всей системы и каждого её элемента, что требует выбора адекватных индикаторов для оценки степени их приближения к устойчиво развивающемуся состоянию.

Индикаторы, отражающие состояние населения, разделяются на социально-культурные и медико-демографические, причём в составе первых должны учитываться и этнокультурные. К важнейшим этнокультурным индикаторам относятся те, по которым можно определить, что сообщество (а) не рискует оказаться в ситуации насильственного этнического конфликта, (б) сохраняет свою общую этнокультурную специфику, т.е. статус этнического большинства, (в) в максимально возможной степени обеспечивает сохранение языков и культур коренных этнических меньшинств. Ведущими медико-демографическими индикаторами являются те, которые свидетельствуют, что сообщество (а) устойчиво воспроизводится при смене поколений, но не испытывает эффекта перенаселённости, (б) обеспечивает своим членам наибольшую возможную в данных социально-экономических условиях продолжительность жизни и индекс группового долгожительства, (с) позволяет людям сохранять максимально высокий в имеющихся условиях обитания уровень здоровья и физического развития, минимизируя риск преждевременной смерти или увечий вследствие неестественных причин, уровень инвалидизации детей и работоспособной части населения, риск заболеваемости вследствие воздействия социальных и экологических факторов, долю заболеваний стрессогенного характера в структуре причин смертности.